

Отзыв

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора С. А. Красильникова, главного научного сотрудника сектора истории социально – экономического развития Федерального государственного бюджетного учреждения науки

Института истории Сибирского отделения Российской академии наук о диссертации Казанкова Александра Игоревича «Крестьянская повседневность в эпоху "социалистической реконструкции деревни" (1929 – 1937 гг.) на Западном Урале» на соискание ученой степени доктора исторических наук по научной специальности 5.6.1. Отечественная история.

Современное состояние и динамика отечественной историографии характеризуется значительными сдвигами в развитии различных составляющих ее предметных полей, где происходят не только процессы трансформации традиционных направлений, но и активно конституируются новые исследовательские дисциплины и направления, к числу которых, вне всякого сомнения относится и история повседневности как субдисциплина. В данном контексте следует отметить, что всякое научное направление, развивающееся внутри нее требует своего отстаивания права на профессиональную самостоятельность, оснащённость необходимым исследовательским инструментарием, принципами, методами, особенностью круга источников и т.д. И представленная А. И. Казанковым к защите диссертация представляет собой реализацию авторского вклада в динамику продолжающего свое формирование названного выше предметного поля, но требующего дальнейших творческих поисков.

В данном случае правомерно авторское решение уделить значительное внимание генезису самого метода историописания «снизу» его становления от истоков, включая феноменологию в социальной философии, социологии до операционализации разработанных представителями данных дисциплин теоретико – методологических оснований к историческим исследованиям как в западной, так и в отечественной историографии, чему посвящен раздел гл. 1. Не возражая, впрочем, против оказавшегося столь объемным пролога, представляется, что для цели данного исследования более приоритетным является описание развития структуры и динамики поля истории повседневности, взаимосвязь, но и его отграничивание, отличительность от такого понятия, как микроистория, соотносимость с концепцией жизненных миров. Обзор собственной динамики отечественной историографии истории повседневности в итоге оказался в итоге сжатым, охватив скорее ряд ключевых работ историков концептуального характера, нежели отразив сложный процесс усвоения данной «субъектоцентричной историографии» (авторское словосочетание) на региональном уровне.

Структурирование автором самой исследовательской программы соответствует поставленной цели: «реконструировать процесс усвоения радикальных социальных перемен в повседневной жизни западноуральской деревни» в изучаемый период (1929 – 1937 гг.). Именно следование принципам и нормам методу историописания «снизу» на основе освоения и операционализации разработок феноменологической философии и социологии придает данной работе логику и структурную целостность. Основная ее часть, представленная четырьмя главами, выстроена в строгой последовательности, при которой раскрытие и реализация оснований концепции повседневности как самостоятельной области исторического анализа опирается на конкретный (хотя и специфический) корпус источников, а само исследование включает в себя анализ таких сущностных характеристик, как хронотоп, базовые структуры повседневной жизнедеятельности, рутинные практики и типичные сценарии реагирования крестьянства на радикальную трансформацию основ их существования в 1930-е гг.

Подтверждая данную диссертантом характеристику научной новизны своей работы прежде всего в том, что им разработан и реализован действительно новый подход в сфере, которую возможно назвать исторической феноменологией по созвучию с философско-социологической традицией, добавим к этому следующее. Если рассматривать центральную проблему истории, связанную с рассмотрением природы источников и интерпретаций информации, извлеченной из них, то мы сталкиваемся с триадой «текст – контекст - подтекст». Ценность работы А. И. Казанкова состоит в том, что в ней автором реализован аналитический подход ко всем составным элементам упомянутой триады. Безусловно, в центре методик находится дискурс-анализ, но он непосредственно соседствует в работе и корреспондирует с методом интен- анализа, без которых раскрытие смыслов, мотивации создателей текстов оказывается либо неполным, либо невозможным вовсе. Новизна подхода к анализу дискурсов состоит в их разнообразии: в работе автор работает с несколькими дискурсами - официальным властным, церковным, приходским и крестьянским, обращая внимание также на динамику дискурсов, в том числе и аномального характера (формат доносов). Для каждого из указанных дискурсов автор устанавливает возможности и границы научной их интерпретации.

Авторская новизна вытекает и определяется профессиональным уровнем владения методом исторической реконструкции структур и ментальностей крестьянской повседневности изучаемой эпохи. Сделанный им акцент на локальном пространственном описании драматического существования исчезающих и разрушавшихся под воздействием внутренних и

внешних причин социальных общностей (крестьян - единоличников и ставших колхозниками; церковников – священников, церковных служащих; странствующих, прихожан), оказавшихся маргинальными «не по своей воле». В рамках социальной истории следовало бы заметить, что диссертант рассматривает в динамике именно процессы маргинализации на повседневном и ментальном уровнях обозначенных выше общностей крестьянско - деревенского мира. Однако именно авторское владение методом реконструкции опытов и смыслов позволяет ему добиваться нового знания о реалиях повседневности на основе извлечения и трактовки информации из весьма специфического корпуса документации архивно-следственных дел (АСД). Для скептиков отметим, что казавшаяся тотально фальсифицированной содержащаяся в документах АСД информация поддается известной научной интерпретации прежде всего за счет разнообразия самих источников (переписка, изъятая при арестах, показания свидетелей, поведение самих арестованных в соответствии с избранной ими тактикой взаимоотношений со следователями и т.д.) и умения исследователя выявлять и считывать требуемые сведения. Диссертант, на наш взгляд, безусловно профессионально овладел техникой анализа такого рода источников (и в данном случае это дискурс – анализ, хотя сам автор среди своего инструментария прямо не обозначает его). Достоинством работы выступает также и то, что автор применяет в ней в том числе и аппарат классической социологии (ценностно - рациональная деятельность М. Вебера, аномия Р. К Мертонa).

Значительная часть исследования фокусируется на рассмотрении феномена поведения и ментальности круга «церковных людей», сохранивших в драматически менявшихся внешних условиях относительно плотную и воспроизводившуюся сеть горизонтальных связей. Диссертантом тщательно документированы и реконструированы практики, создававшие яркий феномен того, когда нараставшее извне давление на связку церковников и мирян приводило к росту корпоративной солидарности и сплоченности, при которой пострадавшие от преследований клирики могли рассчитывать на поддержку «своих» (денежная помощь, еда, кров и т.д.). Сети солидарности, описанные автором применительно к «духовной корпорации» оказывались единственной в то время в деревне и переходившей в скрытое состояние протестной коллаборации мирян и клириков сохранить принципы «осмысленной жизни и привычной повседневности» окончательно уничтоженными во время массовых операций 1937 г (автореферат, с. 28)

Заслугой автора несомненно является не только введение в научный оборот совместно с О. Л. Лейбовичем в 2019 г. понятия *агрегатная*

повседневность сталинской эпохи , но и применение его в диссертации при рассмотрении повседневности «как сложной агрегации нормы и патологии, публичного и приватного, институционального и ментального» (автореферат, с. 11). В диссертации одной из принципиально важных по своей новизне подхода и его реализации необходимо выделить проходящую сквозной линией анализ механизмов перехода нормы повседневности в аномальное состояние вследствие массовой интервенции властных институтов в крестьянскую повседневность, что автором обосновывается и аргументированно доказывается. Причем, добавим, что несмотря на попытки различных общностей адаптироваться к новым условиям , тем не менее, пользуясь известной идеологемой, происходил в итоге процесс не «врастания в социализм», а в социальную аномалию, которую власть конструировала как новую нормальность.

В то же время как и в любом выполненном исследовании высокого уровня в нем присутствуют и определенные упущения, хотя и не все из них следует отнести к категории недостатков. К числу таковых следует отнести то, что в своей увлеченности и погружении в мир реконструкции повседневности, диссертант достаточно произвольно относится к определениям и характеристикам того, что он относит к разряду контекстов (политических, социальных, экономических) внешнего, «большого мира» по отношению к крестьянскому. Поместив в название работы эвфемизм в завышенной форме как эпоху «социалистической реконструкции деревни», затем в самом тексте он применяет вполне нейтральные формулировки, говоря о времени и событиях радикальной социальной трансформации деревни. Такого рода подход, при котором автор так четко и не обозначил характеристику процессов и событий «большого мира» повлек за собой допущение/проговору в своей работе совершенно советской маркировки (кулаки, раскулачивание, сплошная коллективизация и т.д.). Видимо, по невнимательности автор, в частности, при формулировании 4-го положения, выносимого на защиту, раскавычил «социалистическую реконструкцию деревни» (автореферат, с. 6) Современное историописание крестьянства изучаемой эпохи безусловно требует преодоления такого рода понятийных рудиментов, которые в свое время исследователь И. В. Павлова охарактеризовала как «сталинские смысловые нары».

Выскажем в связи с этим нашу точку зрения . Описываемая эпоха характеризуется процессами радикального и форсированного раскрестьянивания, одной из форм которого выступало отнюдь не «раскулачивание», а именно репрессивное раскрестьянивание. Коллективизация также требует научного определения, поскольку отражает организационную форму аграрного производства, тогда как сам процесс и

политика сущностно выступают как радикальная этатизация основ жизнедеятельности крестьянства и аграрного производства.

В процессе своего исследования автор оперирует разными понятиями при определении базовых параметров. Так, если объектом исследования выступает «жизненный мир обитателей сел и деревень Западного Урала», и целью является реконструкция «процесса усвоения радикальных социальных перемен в повседневной жизни западноуральской деревни», то предметом исследования обозначено усвоение данных процессов и событий «крестьянами и крестьянками Прикамья». В итоге возникает диссонанс между тем, что объектом выступает деревенское население, включавшее в себя и не крестьянские социальные и профессиональные группы, а в заглавии вынесена повседневность крестьянства. Смещение происходит и на уровне формулировок исследовательских задач, где в одних случаях упоминаются крестьяне, а в других деревенские жители (автореферат, с. 4-5).

Не вполне понятно авторское положение о том, что «повседневность и жизненный мир образуют противоречивую целостность, реконструкция которой на уровне феноменологического исследования реализует принцип системности» (диссертация, с. 12). Да, целостность и системность взаимодополняют друг друга, однако системность предполагает структурно – функциональную устойчивость и равновесность системного объекта , тогда как автор рассматривает в работе именно противоположные явления, их структурно – функциональные нарушения, вызывающее состояние общей социальной аномии (по Э. Дюркгейму и Р. К. Мертону).

Текст диссертации и автореферата несвободен от опечаток. В частности, словосочетание «товарный голод» (автореферат, с. 24) превратилось в тексте диссертации в «товарный год» (диссертация, с. 306).

Обращает на себя внимание, что текст диссертационного заключения (с. 420 - 434) состоит из прямого воспроизведения текстов выводов по разделам и главам диссертации, а потому его содержательная ценность и функциональное назначение оказываются девальвированными. И только в завершающем абзаце автор сформулировал возможное направление дальнейших исследований, подчеркнув необходимость анализа процессов конструирования властью новой нормальности в позитивной коннотации (социализация подрастающего поколения, социальные лифты для восходящей мобильности и т.д.).

Высказанные выше замечания не ставят под сомнение высокую оценку диссертационной работе. Все поставленные в ней цель и задачи реализованы в необходимой степени, сделанные автором в ней оценки и выводы носят

доказательный характер. Автореферат содержит адекватное отражение диссертационного текста.

Представленное к защите диссертационное исследование Казанкова Александра Игоревича «Крестьянская повседневность в эпоху "социалистической реконструкции деревни" (1929 – 1937 гг.) на Западном Урале» на соискание ученой степени доктора исторических наук по научной специальности 5.6.1. является самостоятельной, законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, отвечает требованиям пунктов 9–11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в актуальной редакции). Автор достоин присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 Отечественная история. Новые научные результаты имеют значение для исторической науки. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в историческую науку. Содержание диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история, а именно: направления 4, 6, 13.

25 сентября 2025 г.

Доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
истории социально – экономического развития
ФГБУН Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (ИИ СО РАН)

Сергей Александрович Красильников

E-mail: krass49@gmail.com

Тел.: +7 913 919 66 39

Адрес организации: 630090. Новосибирск, ул. Николаева, д.8

